

ЧИНУА АЧЕБЕ

ВСЕ РУШИТСЯ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(669)

ББК 84(6Ние)-44

А97

Серия «Эксклюзивная классика»

Chinua Achebe
THINGS FALL APART

Перевод с английского *И. Дорониной*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Ачебе, Чинуа.

А97 Все рушится : [роман] / Чинуа Ачебе ; [перевод с английского И. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-150234-8

На краю Нечистого Леса жили люди Девяти деревень. Жили так, как жили до них веками их предки, представители удивительного народа ибо, и почитали своих причудливых, по-человечески капризных богов и строгих, но добрых духов. Исполняли обряды, на взгляд чужеземцев — странные и жестокие. Воевали, мирились, растили детей. Трудились на полях и собирали урожай. Пили домашнее пальмовое вино и веселились на праздниках.

А потом пришли европейцы — с намерением научить «черных дикарей» жить, как белые, верить, как белые, и растить детей, как белые. Сильные цивилизованные люди, готовые железной рукой осчастливить народ Девяти деревень.

Но кто и когда в этом мире сумел осчастливить кого-то насильно?

УДК 821.111-31(669)

ББК 84(6Ние)-44

© Chinua Achebe, 1958

© Перевод. И. Доронина, 2020

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-150234-8

Все шире — круг за кругом — ходит сокол,
Не слыша, как его сокольник кличет;
Все рушится, основа расшаталась,
Мир захлестнули волны беззаконья...

*У. Б. Йейтс. Второе пришествие**

* Перевод Г. Кружкова. (Здесь и далее прим. пер.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Оконкво был хорошо известен во всех девяти деревнях общины Умуофия и даже за их пределами. Репутацией своей он был обязан собственным достижениям. Еще в восемнадцатилетнем возрасте он прославил свою деревню, одолев Кота Амалинзе. От Умуофии до Мбайно Амалинзе слыл великим борцом, семь лет не знавшим поражений. Котом его прозвали за то, что лопатки его никогда не касались земли. И такого человека Оконкво победил в схватке, которая, по мнению старейшин, была одной из самых ожесточенных с того времени, когда основатель их рода семь дней и семь ночей бился с Духом дебрей.

Гремели барабаны, пели флейты, и зрители следили за поединком, затаив дыхание. Амалинзе был хитер и умел, но Оконкво оказался юрким, как рыба в воде. Каждая жила и каждый мускул отчетливо выдавались у борцов на руках, спине и бедрах, и казалось: они напряжены и натянуты настолько, что вот-вот порвутся. В конце концов Оконкво одержал верх над Котом.

Это было много лет назад, двадцать или больше, и все это время слава Оконкво росла и распространялась, как лесной пожар, раздуваемый харматаном*. Он был высок ростом, коренаст, кустистые брови и широкий нос придавали ему свирепый вид. Он тяжело дышал, говорили, будто, когда он спал, его жены и дети слышали его дыхание в своих домах. При ходьбе почти не касался земли пятками, создавалось впечатление, что он ходит на пружинах — как будто в любой момент готов на кого-нибудь напасть. Он и впрямь часто нападал на людей. Из-за небольшого заикания, возникавшего, когда он сердился, он порой не мог быстро найти нужных слов и тогда пускал в ход кулаки. Оконкво терпеть не мог неудачников. Оконкво терпеть не мог своего отца.

Унока — так звали его отца — умер десять лет тому назад. При жизни он был ленив, расточителен и совершенно не способен думать о завтрашнем дне. Если какие-то деньги попадали ему в руки, а случалось это редко, он тут же накупал несколько калемас** пальмового ви-

* Сухой и пыльный западноафриканский пассат, дует из Сахары к Гвинейскому заливу; в некоторых странах Западной Африки мгла, вызванная харматаном, может значительно снижать видимость и иногда заслоняет солнце на несколько дней.

** Сосуды для жидкостей, сделанные из тыкв разной формы.

на, созывал соседей и устраивал пирушку. Он любил повторять, что, глядя на рот мертвеца, всегда думает: какая дурость не наестся при жизни до отвала. Конечно же, Унока был вечным должником, всем соседям вокруг он задолжал от нескольких каури* до весьма существенных сумм.

Унока был высоким, но очень худым и немного сутулым. Вид у него был изможденный и унылый — за исключением тех моментов, когда он пил или играл на флейте. Играл он на ней очень хорошо, и самыми счастливыми периодами в его жизни были две-три луны после сбора урожая, когда деревенские музыканты снимали со стены инструменты, обычно висевшие над очагом. Унока играл вместе с ними, и лицо его тогда светилось блаженством и покоем. Иногда их оркестр вместе с их же танцующими *эгвугву* приглашали на некоторое время в другие деревни, чтобы поучиться их искусству. Они гостили в таких деревнях на протяжении трех-четырех базаров, исполняя свою музыку и пируя. Унока любил хорошее угощение и хорошую компанию, поэтому любил он и это время года, когда прекращались дожди и солнце всходило каждое

* Каури (англ. cowry) — раковины тропических моллюсков, использовавшиеся в качестве денег в Китае, Индии, на Аравийском полуострове и в Африке с древних времен вплоть до середины XX века.

утро в своей ослепительной красоте. И сильной жары в это время не бывало, потому что холодный и сухой харматан дул с севера. Выдавались годы, когда харматан особенно свирепствовал, и тогда в воздухе висело плотное марево. Старики и дети в такую погоду усаживались вокруг дровяных костров и грелись. Унока любил все это, любил наблюдать, как с наступлением сухого сезона возвращались первые коршуны и дети встречали их песнями. Он вспоминал собственное детство, как бродил по окрестностям, высматривая в небе коршуна, и, увидев его, лениво парившего в синем небе, раздражался радостной песнью, вкладывая в нее все свое существо, приветствуя возвращение коршуна из долгого-долгого путешествия и вопрошая, не принес ли он домой хоть какой-то кусочек ткани.

Но то было много лет назад, в его детстве. Взрослый Унока стал неудачником. Он был беден и едва мог прокормить жену и детей. Люди смеялись над ним, считая его бездельником, и клялись ни за что больше не давать ему займы, потому что долгов он никогда не отдавал. Но было в этом человеке что-то такое, что заставляло тех же людей ссужать его снова и снова, и долги его накапливались.

Однажды к нему в хижину зашел сосед по имени Окойе. Унока полулежал, прислонившись к глиняной лавке, сооруженной вдоль

стены, и играл на флейте. При виде соседа он тут же вскочил и пожал ему руку. Окойе расстелил козью шкуру, которую принес под мышкой, и сел. Унока сходил в заднюю комнату и вернулся с круглой деревянной дощечкой, на которой лежали орех кола, аллигаторов перец* и кусочек белого мела.

— У меня есть кола, — объявил он, сел и передал дощечку гостю.

— Спасибо. Приносящий колу приносит жизнь. Но я думаю, что ты сам должен расколоть его, — ответил Окойе, возвращая дощечку.

— Нет, я считаю, что это должен сделать ты. — Так они попрекались немного, пока Унока не согласился принять честь разделить орех. Окойе же тем временем взял мел, начертил на полу несколько прямых линий, а потом покрыл мелом большой палец ноги.

Разломив орех, Унока вознес молитву предкам, прося жизни, здоровья и защиты от врагов. Поев, они поговорили о том о сем: о проливных дождях, затапливавших посадки ямса, о грядущем празднике в честь предков и о надвигающейся войне с деревней Мбайно. Война никогда не радовала Уноку. По правде сказать, был

* Растение, семена которого традиционно используются в качестве острой приправы к еде и афродизиака, а также для стимуляции выработки и тестостерона. Другое название — «райские зерна».

он трусоват и не выносил вида крови. Поэтому предпочел сменить тему и заговорил о музыке, тут-то лицо его засияло. Его внутреннему слуху были вняты будоражившие кровь замысловатые ритмы экве, уду и огене, и он мог представить себе, как его флейта вплетается в них, украшая выразительными печальными мелодиями. Общее звучание было веселым и оживленным, но если выделить из него голос флейты: то взмывающий вверх, то падающий, а потом распадающийся на короткие рваные всхлипы, — становилось очевидно, что это голос тоски и печали.

Окойе тоже был музыкантом. Он играл на огене. Но он не был неудачником, как Унока. Его амбар ломился от ямса, он имел трех жен и вскоре должен был получить титул *идемили*^{*}, третий по значимости в их краях. Церемония предстояла очень дорогостоящая, и он собирал все свои ресурсы. За этим-то и пришел к Уноке. Откашлявшись, Окойе начал:

— Спасибо за колу. Ты, может, слышал, что в скором времени я намерен принять титул.

Говоривший до сих пор прямо, следующие полдюжины фраз он выдал в виде пословиц. У ибо^{**} искусство вести беседу ценилось очень высоко, и пословицы были чем-то вроде пальмового масла, на котором «готовились» сло-

^{*} По имени бога реки Идемиле.

^{**} Ибо, или игбо — народ в Восточной Нигерии.

ва. Язык у Окойе был подвешен отменно, говорил он долго, ходя вокруг да около, и только в конце перешел к делу. Короче говоря, он просил Уноку вернуть ему двести каури, которые тот взял взаймы у него больше двух лет назад. Как только Унока понял, к чему ведет сосед, он разразился смехом. Смеялся долго и громко, голос его звенел чисто, как огене, а из глаз лились слезы. Гость онемел от изумления. Наконец Уноке удалось — между приступами хохота — выговорить ответ.

— Посмотри на эту стену, — сказал он, указывая на дальнюю стену хижины, до блеска натертую красной глиной. — Видишь те черточки, нарисованные мелом? — Окойе увидел нанесенные мелом группы вертикальных штрихов. Их было пять: в самой маленькой насчитывалось десять штрихов. Унока обладал драматургическим чутьем, поэтому сделал многозначительную паузу, во время которой втянул носом щепотку табаку и громко чихнул, после чего продолжил: — Каждая группа черточек — мой долг кому-нибудь, а каждая черточка — это сто каури. Видишь, я должен вот этому, например, человеку тысячу каури. Но он не приходит и не будит меня из-за этого ни свет ни заря. Я отдам тебе долг, но не сегодня. Наши старики говорят: солнце освещает сначала тех, кто стоит во весь рост, а уж потом коленопреклоненных. Вот так и я: сначала

рассчитаюсь с теми, кому задолжал больше. — И он вдохнул еще одну понюшку, словно она символизировала бóльшие долги. Окойе свернул свою козью шкуру и ушел.

Когда Унока умирал, он не имел вообще ни одного титула и был по уши в долгах. Удивительно ли, что его сын Оконкво стыдился его? К счастью, у здешнего народа было принято ценить человека по его собственным достоинствам, а не по достоинствам его отца. Оконкво, вне всяких сомнений, был рожден для великих дел. Будучи еще молодым, он уже завоевал славу первого силача всех девяти деревень, был зажиточен, имел два амбара, полных ямса, и только что взял третью жену. А в довершение всего обладал двумя титулами и продемонстрировал невероятную доблесть в двух межплеменных войнах. Поэтому, несмотря на молодость, Оконкво уже считался одним из самых выдающихся людей своего времени. В его народе возраст почитали, но перед личными достижениями преклонялись. Как говорили старики: если ребенок вымыл руки, он может есть с королями и старейшинами. Оконкво, безусловно, «вымыл руки», поэтому ел вместе с королями и старейшинами. И именно поэтому ему поручили присматривать за обреченным мальчиком, которого пожертвовали деревне Умуофия ее соседи, чтобы избежать войны и кровопролития. Несчастливого мальчишку звали Икемефуна.

Глава вторая

Только-только Оконкво задул масляную лампу и вытянулся на своем бамбуковом ложе, как ночную тишину прорезал звук огене деревенского глашатая. *Бом-м — бо-м-м — бом-м* — гудела металлическая полость. Потом глашатай прокричал новость и после этого снова ударил в свой инструмент. А новость была такова. Всех мужчин Умуофии призывали собраться на следующий день утром на базарной площади. «Что же за беда нагрянула?» — думал Онокво; в том, что случилось что-то плохое, он не сомневался. В голосе глашатая он ясно расслышал трагический оттенок, и даже теперь, когда голос все больше и больше удалялся, отчетливо различал эту нотку.

Ночь была очень тихой, как всегда, кроме периодов полнолуния. Для его народа, даже для самых смелых его людей, темнота таила в себе смутный страх. Детям строго наказывали не свистеть по ночам, чтобы не вызвать злых духов. Опасные животные в темноте представлялись еще более зловещими и фантастическими. Ночью змею никогда не называли змеей, потому что она могла услышать. Ее называли Струной. По мере того как голос глашатая постепенно замирал вдали, на мир снова опускалась тишина — тревожная тишина, вибрирующая от вселенской трели миллионов и миллионов лесных насекомых.